

Original article
УДК 341.636.5
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.27

Научная статья

СИГАУРИ-ГОРСКИЙ Егор Русланович
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук,
Москва, Россия
e-mail: gyers91@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6879-3065>

SIGAURI-GORSKII Egor Ruslanovich
Institute of China and Contemporary Asia of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

АРБИТРАЖНОЕ РЕШЕНИЕ ПО ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ СПОРУ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ 2016 ГОДА: ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ, КВАЛИФИКАЦИИ И ЕГО АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВОВ О «КРИЗИСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

THE 2016 SOUTH CHINA SEA ARBITRAL AWARD: ISSUES OF LEGAL ESSENCE,
QUALIFICATION, AND ITS ACADEMIC ASSESSMENTS IN THE CONTEXT OF "CRISIS
OF INTERNATIONAL LAW" NARRATIVES

Аннотация. Постоянная палата третейского суда (далее – ППТС, Трибунал) в 2016 г. вынесла знаменательное арбитражное решение по результатам рассмотрения территориального спора между Китаем и Филиппинами о статусе Южно-Китайского моря (далее – ЮКМ), в котором практически полностью отвергла территориальные притязания КНР как не соответствующие действующим принципам и нормам международного права. Однако это решение вызывало в академическом сообществе вопросы о корректности юридической квалификации и о полноценном «кризисе международного права». Целью данной работы является анализ сущности арбитражного решения 2016 г., а также его академических оценок в контексте дискурса о «кризисе международного права». Для ее достижения использованы общенаучные методы (диалектический, логический, системный), которые позволили применить инструментарий формальной логики для анализа арбитражного решения по рассматриваемому спору как сложной системы, а также частнонаучные и специальные (формально-юридический, метод юридической герменевтики), способствовавшие детальному анализу юридической сущности решения и его правовых оценок в научной литературе. Результаты: несмотря на то что арбитражное решение 2016 г. не смогло в полной мере внести правовую определенность в отношения сторон относительно ЮКМ, оно тем не менее является ценным прецедентом для общей практики международного морского права и будет служить правовым ориентиром при урегу-

Abstract. In 2016, the Permanent Court of Arbitration issued a landmark arbitral award on the territorial dispute between China and the Philippines over the South China Sea (hereinafter – SCS), which almost completely rejected China's territorial claims as inconsistent with existing principles and norms of international law. However, the decision was not unilaterally accepted by the academic community, which raised questions about both the correct legal qualification and a full-fledged "crisis of international law". The purpose of this paper is to analyze the essence of the 2016 arbitral award, as well as its academic assessments in the context of the discourse on the "crisis of international law". To achieve this purpose, the author uses general scientific methods (dialectical, logical, systemic), which apply the tools of formal logic to analyze the arbitral award on the dispute as a complex system, as well as specific scientific and special research methods (formal-legal method, method of legal hermeneutics), which allow a detailed examination of both the legal essence of the award and its legal assessments in the academic literature. Results: although the 2016 award failed to bring full legal certainty to the parties' relations regarding the SCS, it is, nevertheless a valuable precedent for the general practice of international law of the sea and will serve as a further legal guideline in settling similar disputes. Assessments of the arbitral award as having no real legal significance and as an example of a

лировании подобных споров. Оценки арбитражного решения как не имеющего реального юридического значения и как примера кризиса всей системы международного права представляются несостоятельными и свидетельствуют о нигилистических тенденциях в международно-правовом сознании.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, Китай, Филиппины, территориальный спор, международный арбитраж, архипелаг Спратли, разрешение международных споров

Для цитирования: Сигаури-Горский Е.Р. Арбитражное решение по территориальному спору в Южно-Китайском море 2016 года: вопросы юридической сущности, квалификации и его академические оценки в контексте нарративов о «кризисе международного права» / Е.Р. Сигаури-Горский. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.27 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 248–255.

crisis in the entire system of international law seem untenable and indicate nihilistic tendencies in the international legal consciousness.

Keywords: South China Sea, China, Philippines, territorial dispute, international arbitration, Spratly Islands, international dispute resolution

For citation: Sigauri-Gorskii E.R. The 2016 South China Sea Arbitral Award: Issues of Legal Essence, Qualification, and Its Academic Assessments in the Context of “Crisis of International Law” Narratives. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 248–255. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.27.

ВВЕДЕНИЕ

22 января 2013 г. Филиппины инициировали разбирательство против Китая в ППТС по поводу территориальных притязаний на акватории ЮКМ. Китайской стороне была представлена вербальная нота, сопровождавшаяся уведомлением и заявлением об инициации разбирательства в соответствии со ст. 287 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [1, р. 323]. Согласно этой ноте утверждение Китаем своих «исторических прав» на воды, морское дно и недра в пределах «линии девяти пунктов» несовместимо с Конвенцией 1982 г. и нарушает суверенные территориальные права Филиппин, неправомерно препятствует осуществлению их юрисдикции и свободе судоходства¹. Статья 287 Конвенции 1982 г. устанавливает следующее: «При подписании, ратификации настоящей Конвенции или присоединении к ней или в любое время после этого государство может выбрать посредством письменного заявления одно или более из следующих средств урегулирования споров, касающихся толкования или применения настоящей Конвенции:

а) Международный трибунал по морскому праву, учрежденный в соответствии с Приложением VI;

б) Международный Суд;

с) арбитраж, образованный в соответствии с Приложением VII;

д) специальный арбитраж, образованный в соответствии с Приложением VIII, для одной или более категорий споров, указанных в этом Приложении»².

30 марта 2014 г. Филиппины представили меморандум, где излагалась аргументация в отношении юрисдикции Трибунала и существо требований. Меморандум состоит из XI томов. Том I призван продемонстрировать, что Трибунал обладает юрисдикцией в отношении всех требований, заявленных Филиппинами, и что указанные требования являются юридически обоснованными³. Тома II–X содержат документальные свидетельства и картографические материалы (более 40), которые подкрепляют правовые позиции Манилы.

² Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 28.09.2024).

³ Republic of The Philippines v. People's Republic of China. Memorial of The Philippines. Volume I. 30 March 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://files.pca-cpa.org/pcadocs/Memorial%20of%20the%20Philippines%20Volume%20I.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).

¹ Understanding China's Position on the South China Sea Disputes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.isdp.eu/publication/understanding-chinas-position-south-china-sea-disputes/> (дата обращения: 28.09.2024).

ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И КВАЛИФИКАЦИЯ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ В АРБИТРАЖНОМ РЕШЕНИИ ПОСТОЯННОЙ ПАЛАТЫ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА И ЕГО АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

После инициирования арбитражного разбирательства КНР твердо, последовательно и решительно отказывалась от участия в процессе, указывая, что у Трибунала нет юрисдикции для рассмотрения спора. Пекин подчеркивал, что еще 26 августа 2006 г. он сделал соответствующее заявление относительно процедур разрешения споров в соответствии с Конвенцией 1982 г., которое гласило: «Правительство Китайской Народной Республики не принимает ни одну из процедур, предусмотренных в разделе 2 части XV Конвенции, в отношении всех категорий споров, указанных в пунктах 1(a), (b) и (c) статьи 298 Конвенции...»⁴. Такими спорами, согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., являются:

1) споры в отношении исторических заливов и правооснований и суверенитета или других прав на материковую или островную территорию (п. «а» ст. 1);

2) споры, касающиеся военной деятельности, включая военную деятельность государственных судов и летательных аппаратов, состоящих на некоммерческой службе, или споры, касающиеся деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции (п. «b» ст. 1);

3) споры, в отношении которых Совет Безопасности ООН осуществляет функции, возложенные на него Уставом ООН (п. «с» ст. 1).

Таким образом, КНР указала, что Трибунал игнорирует тот факт, что между Филиппинами и КНР существует спор о делимитации морских пространств, и действует *ultra vires* (с превышением полномочий)⁵. Кроме того, представлялось, что стороны, консенсуально согласились урегулировать споры путем переговоров. Это было подчеркнуто в Декла-

рации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и в различных совместных заявлениях. Трибунал отверг данное возражение на том основании, что совместные заявления носят политический характер и не являются юридически обязывающими соглашениями. Более того, Трибунал подчеркнул, что в последние годы, по крайней мере до начала арбитражного разбирательства, несколько китайских официальных лиц называли Декларацию 2002 г. «политическим» документом (par. 218)⁶. Во-вторых, он отметил, что предшествующие попытки урегулирования спора не привели к какому-либо действенному решению (par. 220 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). В-третьих, Трибунал постановил, что в любом случае Декларация 2002 г. прямо не исключала и не запрещала урегулирование споров путем применения иных процедур, кроме переговоров (par. 221 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). Аргументация о том, что Филиппины якобы были обязаны прийти к соглашению с КНР именно путем двусторонних переговоров, как видим, не является корректной. Следуя замечанию Международного суда по делам о континентальном шельфе Северного моря 1969 г., сторона должна продемонстрировать, что она добросовестно участвовала в переговорах, прежде чем обратиться к иным процессуальным средствам разрешения споров: «...стороны обязаны вступить в переговоры с целью достижения соглашения, а не просто с целью пройти формальный процесс переговоров как своего рода предварительное условие для автоматического применения определенного метода делимитации при отсутствии соглашения; они обязаны вести себя так, чтобы переговоры были содержательными, чего не будет, если кто-либо из них будет настаивать на своей собственной позиции, не предполагая ее модификации...»⁷.

6 PCA Case № 2013-19 Republic of The Philippines v. People's Republic of China. Award on Jurisdiction and Admissibility. 29 October 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://opiniojuris.org/wp-content/uploads/PH-CN-20151029-Award-on-Jurisdiction-and-Admissibility.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).

7 International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany/Denmark; Federal Republic of Germany/Netherlands). Judgment of 20 February 1969 [Электронный ресурс]. URL: <https://jumsundi.com/en/document/decision/en-north-sea-continental-shelf-federal-republic-of-germany-denmark-judgment-thursday-20th-february-1969> (дата обращения: 28.09.2024).

4 Declarations and statements [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/convention_declarations.htm#China%20Upon%20ratification (дата обращения: 28.09.2024).

5 The Tribunal's Award in the "South China Sea Arbitration" Initiated by the Philippines Is Null and Void [Электронный ресурс]. URL: <https://english.news.cn/home.htm> (дата обращения: 28.09.2024).

Кроме того, следуя материалам дела о железнодорожном сообщении между Литвой и Польшей 1931 г., которое рассматривалось в ППТС, обязательство вести переговоры не влечет за собой обязательства достичь соглашения в ходе таких переговоров⁸.

В июле 2015 г. Трибунал провел первое слушание по вопросу юрисдикции, а в октябре того же года постановил, что имеет прямую юрисдикцию (*affirmative jurisdiction*) в отношении трех притязаний и косвенную (*conditional jurisdiction*) – в отношении четырех притязаний. Позиция Филиппин относительно юрисдикции состояла в том, что, во-первых, ни один из 750 морских объектов на отмели Скарборо и на архипелаге Спратли (включая самые масштабные объекты) не дает право на исключительную экономическую зону и континентальный шельф ввиду того, что такие объекты классифицируются как скалы, осыхающие при отливе возвышения или как другие объекты, не являющиеся островами, которые могут быть присвоены на основании исторических прав (par. 144 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). Во-вторых, Филиппины имеют право на 200-мильную исключительную экономическую зону и континентальный шельф, а большинство этих объектов находятся в пределах таких морских зон, которые не пересекаются и не совпадают с действительными правами КНР в соответствии с Конвенцией 1982 г. (par. 157 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). Вопросы прочих восьми притязаний надлежало разрешить при рассмотрении по существу (par. 398–412 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015).

Наконец, 12 июля 2016 г. Трибунал вынес решение по существу. Ключевым в разбирательстве являлся вопрос о правовой природе и правомерности так называемой «линии девяти пунктов». Как отметил Трибунал, Пекин никогда не уточнял, что с правовой точки зрения означает «линия девяти пунктов» и каков объем прав, на которые он претендует в соответствии с ней (par. 160 PCA Case № 2013-19. 29 October 2015). Трибунал указал, что наиболее масштабная часть

области «линии девяти пунктов» соответствует притязаниям Пекина на исключительную экономическую зону и континентальный шельф, которые отмеряются от территорий островов архипелага Спратли, однако КНР претендовала на права, которые не предусматриваются Конвенцией 1982 г., например, неоднократно пытаясь запретить сезонное летнее рыболовство во всех водах ЮКМ (par. 210)⁹. Одновременно с этим, по замечанию Трибунала, Китай недвусмысленно заявил, что уважает свободу судоходства и полетов в ЮКМ. 27 октября 2015 г. заместитель министра иностранных дел Китая заявил, что «...китайская сторона уважает и охраняет свободу судоходства и полетов в Южно-Китайском море, на которую все страны имеют право в соответствии с международным правом...» (par. 212 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). То же самое обязательство было повторено во многих других заявлениях китайских официальных лиц. Соответственно, Трибунал посчитал факт принятия Китаем обязательства уважать свободу судоходства и свободу пролета свидетельством того, что Китай не считает морские районы в пределах «линии девяти пунктов» эквивалентными своему территориальному морю или внутренним водам. Трибунал также отметил, что Китай обозначил исходные линии для территориального моря, окружающего Хайнань и Парасельские острова. По мнению Трибунала, Китай, вероятно, не сделал бы этого, если бы воды как в пределах, так и за пределами 12 морских миль этих островов уже составляли часть территориального моря (или внутренних вод) Китая в силу притязания на исторические права, обоснованные «линией девяти пунктов» (par. 213 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). Таким образом, Трибунал установил, что Китай претендует на права на живые и неживые ресурсы в пределах «линии девяти пунктов», но (за исключением территориального моря, образованного какими-либо островами) не считает, что эти воды являются частью его территориального моря или внутренних вод (par. 214 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016).

⁸ PCIJ Series A/B. № 42 Railway Traffic between Lithuania and Poland. Judgments, Orders and Advisory Opinions. 15 October 1931. [Электронный ресурс]. URL: <https://jursmundi.com/en/document/decision/en-railway-traffic-between-lithuania-and-poland-advisory-opinion-thursday-15th-october-1931> (дата обращения: 28.09.2024).

⁹ PCA Case № 2013-19 Republic of The Philippines v. People's Republic of China. Award. 12 July 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pcacases.com/web/sendAttach/2086> (дата обращения: 28.09.2024).

Далее, Трибунал установил, что в контексте международного морского права для обозначения прав, вытекающих из исторических процессов, используются различные термины. Термин «исторические права» (historic rights) является общим по своей природе и может описывать любые права, которыми может обладать государство и которые обычно не возникают в соответствии с общими нормами международного права при отсутствии конкретных исторических обстоятельств. Исторические права могут включать суверенитет, а также и более ограниченные права, такие как право на рыбную ловлю или право доступа, которые далеки от соответствия притязаниям на суверенитет. «Историческое правооснование» (historic title), напротив, следуя позиции Трибунала, используется для обозначения исторического суверенитета над сушей или морскими территориями. «Исторические воды» (historic waters) – это просто термин для обозначения исторического правооснования на морские территории, обычно осуществляемого либо как притязание на внутренние воды, либо как притязание на территориальное море, хотя «...общее международное право <...> не предусматривает единого "режима" для "исторических вод" или "исторических заливов", а только конкретный режим для каждого из конкретных, признанных случаев наличия "исторических вод" или "исторических заливов"». Наконец, «исторический залив» – это залив, в котором государство претендует на исторические воды (par. 225 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). Заявленные исключения из юрисдикции в соответствии со ст. 298 Конвенции 1982 г., таким образом, ограничены спорами, связанными с историческими правами, но Китай не претендует на исторические правооснования на воды ЮКМ, а скорее на совокупность исторических прав (...but rather a constellation of historic rights short of title...), ввиду этого Трибунал счел, что он обладает юрисдикцией для рассмотрения представления Филиппин № 1 и 2 (par. 229 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). Притязания Китая, основанные на каких-либо «исторических правах» на воды, морское дно и недра в пределах «линии девяти пунктиров», превышающие объем прав, предоставляемых Конвенцией 1982 г., противоречат этому документу и являются

неправомерными. Конвенция 1982 г. «отменяет» любые исторические права или другие суверенные права или юрисдикцию, превышающие установленные в ней пределы (p. 473 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016).

Относительно правовой классификации территорий Трибунал счел, что правовой статус объекта должен оцениваться исходя из его естественного состояния. Никакая модификация, произведенная человеческими силами, не может превратить осыхающую во время отлива возвышенность в остров, вне зависимости от масштаба сооружения, построенного на нем (par. 305 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016). Трибунал указал, что ни одно из спорных образований не является островом по смыслу Конвенции 1982 г. (par. 334, 339, 343, 351, 358, 366, 373, 378, 381 PCA Case № 2013-19. 12 July 2016), а следовательно, в соответствии с п. 3 ст. 121 Конвенции 1982 г. на них невозможно постоянное проживание и хозяйственная деятельность.

Решение Трибунала не было бесспорным и получило достаточно обширную критику в мировой юридической науке. Китайское сообщество международного права в 2018 г. выпустило 541-страничный труд «Арбитражное решение по Южно-Китайскому морю: критическое исследование», практически полностью посвященный порицанию решения 2016 г. и предполагаемых противоречий в международно-правовой политике Филиппин. Inter alia китайские академики «вменяли» Филиппинам целый перечень критических замечаний:

1) Филиппины инициировали разбирательство, полностью осознавая, что предмет спора касается территориального суверенитета Китая в ЮКМ и что территориальные вопросы не подпадают под действие Конвенции 1982 г.;

2) Филиппины инициировали разбирательство, полностью осознавая, что оно касается разграничения морских пространств, несмотря на то что Китай в соответствии со ст. 298 Конвенции 1982 г. сделал заявление об исключении таких споров из процедур урегулирования их с третьими сторонами Конвенции 1982 г.;

3) Филиппины умышленно представляют некоторые консультации с Китаем по общим вопросам морской политики и сотрудничеству общего характера как переговоры по предмету арбитражного разбирательства и далее за-

являют, что двусторонние переговоры были исчерпаны, несмотря на тот факт, что государства никогда не вели никаких переговоров по этим вопросам;

4) Филиппины утверждают, что они не добиваются решения какого-либо территориального вопроса или делимитации какой-либо морской границы, тем не менее много раз в ходе арбитражного разбирательства, особенно во время устных слушаний, они отрицали территориальный суверенитет и морские права Китая и его интересы в ЮКМ;

5) Филиппины закрывают глаза на последовательную позицию и практику Китая по проблеме ЮКМ и делают совершенно ложные утверждения о том, что Китай предъявляет исключительные притязания на морские права и суверенные интересы во всем ЮКМ;

6) Филиппины преувеличивают роль западных стран-колонизаторов в истории ЮКМ и отрицают исторические факты и соответствующие правовые последствия многолетнего исследования, эксплуатации и управления Китаем в истории соответствующих вод ЮКМ;

7) Филиппины суммируют несколько отдаленно относящихся к делу и слабых доказательств, делая надуманные выводы в поддержку своих представлений;

8) Филиппины для обоснования своих претензий произвольно толкуют нормы международного права, прибегая к весьма спорным судебным делам и неавторитетным личным мнениям [2, p. 709].

Коллектив авторов указал, что Трибунал, созданный по одностороннему запросу Филиппин, не имеет *ab initio* юрисдикции, вынесенные им решения недействительны и ничтожны, не имеют обязательной силы (*are null and void and have no binding force*). Резюмируя, Сообщество указало, что Китай не принимает и не признает вынесенные решения и никогда не примет никаких притязаний или разбирательств, основанных на этих решениях [2, p. 710].

В отечественной науке международного права указывается на спорный характер выводов Трибунала. В частности, В.Л. Толстых особенно спорными видит наличие вопросов о делимитации; реальную связь спора с историческими правооснованиями; определение статуса естественной и антропогенной среды на спорных территориях по смыслу ст. 121

Конвенции 1982 г. [3, с. 135–136]. Представители отечественной исторической и политической науки указывают, что исполнение решения 2016 г. может затянуться на многие десятилетия [4, с. 137]. Австралийский специалист в области международной безопасности Л. Бушинский дает обнадеживающую оценку: «...решение создает прецедент, который будет применяться и на который будут ссылаться при разрешении других морских споров, особенно тех, которые связаны с притязаниями, основанными на "исторических правах" и пересекающихся морских зонах» [5, p. 127]. Т. Макдорман, предметно исследовавший международно-правовые аспекты территориального спора в ЮКМ во множестве своих трудов, заключил, что значимость решения 2016 г. состоит в трех тезисах: во-первых, правовой статус решения подразумевает его обязательность для сторон; во-вторых, Трибунал провел четкое разграничение между правами (происходящими от суверенитета над островными объектами) на 12 или 200 морских миль и вопросом территориальной принадлежности объекта и делимитации морских границ; в-третьих, Трибунал ясно и правильно (*clearly and correctly*) отверг концепцию «линии девяти пунктиров», согласно которой государство, являющееся стороной Конвенции 1982 г., может иметь исторические права на рыбный промысел или на ресурсы морского дна в пределах 200-мильной морской зоны другого государства [6, p. 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ И ВОПРОСЫ «КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

Мы, со своей стороны, не отвергаем возможности критики арбитражного решения, равно как и не считаем полезным подходом излишнюю одностороннюю идеализацию его формально-юридического значения, без учета объективных политических аспектов отношений стран-претендентов и всего международного сообщества в целом. Тем не менее оценки Л. Бушинского и Т. Макдормана видятся нам более взвешенными, обоснованными и корректными, чем иные откровенно «нигилистические» и юридически несостоятельные нарративы. Так, например, А.С. Королев и И.А. Стрельникова относительно зна-

чимости решения указывают следующее: «Как результат, "историческое" решение, которое войдет в учебники по международному морскому праву, на деле оказалось пустышкой» [7, с. 12]. Некоторые авторы и вовсе связывают территориальный спор в ЮКМ с полноценным «кризисом международного права» и указывают, что следует «...изменить концепцию международного права, убрав из него его нормативное измерение...» (...we need to change the conception of international law by taking out the normative dimension of international law) [8, р. 52–53]. Ввиду того, что в истории международных отношений внешняя политика не раз вступала в противоречие с международным правом, все еще существуют мнения, что политика, в том числе основанная на силе, доминирует над международным правом. Такая позиция, однако, является ошибочной. Как показывает история, отдельные попытки силового решения тех или иных вопросов международной жизни не могут образовать общего правила. Международное право является прежде всего правовым феноменом. Удаление из него элемента нормативности фактически эквивалентно лишению международного права имманентного онтологического естества.

Тем не менее не следует и нивелировать юридические противоречия арбитражного решения. Конвенция 1982 г. не регулирует вопросы суверенитета. Однако данный факт был проигнорирован ППТС, как и факт неоднократных протестов китайской стороны против юрисдикции Трибунала. Крайне противоречивой также является правовая позиция Филиппин о том, что группа островов Калаян принадлежит Маниле по праву «первооткрытия» как *terra nullius*, а также ссылки филиппинской стороны на географическую «близость» некоторых спорных территорий как основания для приобретения правового титула на них.

И все же попытки нивелировать значение арбитражного решения, представляя его «пустышкой» или тем паче «флагманом кризиса международного права», далеки от совершенной юридической обоснованности. На наш взгляд, ключевым позитивным элементом решения при всех его противоречиях следует полагать однозначное указание на несоответствие позиции об «исторических правах» в ЮКМ действующим нормам международного морского права. Китайская дипломатия и юридическая наука не сумели в доста-

точной степени сформулировать обоснование дискурса об исторических правах на акватории ЮКМ, а также определить, что представляет собой «линия девяти пунктиров» с точки зрения современного международного права. Кроме того, вьетнамские источники справедливо указывают на тот факт, что решение ППТС способствовало консолидации общей политико-правовой позиции АСЕАН по ЮКМ. В частности, в заявлениях председателей 36-го и 37-го саммитов АСЕАН впервые было подчеркнуто, что именно Конвенция 1982 г. обеспечивает «основу для определения морских прав, суверенных прав, юрисдикции и законных интересов в отношении морских зон»¹⁰.

Международное право, разумеется, вовсе не совершенно и не должно иметь иммунитета от критики. Более того, мировое научное сообщество юристов-международников и является его самым яростным и скрупулезным критиком. Однако с сожалением мы вынуждены заключить, что если бы признание успехов и достоинств международного права получало от широкой общественности хоть толику той активности, с которой констатируется его предполагаемая «гибель» от бомбардировок Ливии и Югославии, вторжения в Ирак или войны в Афганистане, международно-правовое сознание мировой общественности могло бы быть на совершенно ином уровне в масштабе всей человеческой цивилизации. Наша позиция, разумеется, состоит не в том, что вышеуказанные и иные нарушения международного права следует недооценивать. Напротив, мировое сообщество должно правомерными методами в рамках действующего международного права возлагать на субъектов-нарушителей пропорциональную ответственность за односторонние несанкционированные и неправомерные действия. Но откровенно нигилистические нарративы о «смерти» международного права, которая, как кажется из таких материалов, будто бы случается «регулярно» ввиду тех или иных региональных столкновений, конфликтов или даже простого неисполнения обязательств, лишь вредят его верховенству в международных отношениях, а не способствуют этому.

10 Viability of the South China Sea Arbitration Award: an analysis [Электронный ресурс]. URL: <https://vietnamlawmagazine.vn/viability-of-the-south-china-sea-arbitration-award-an-analysis-37884.html> (дата обращения: 05.11.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Song Y-H. The South China Sea Arbitration Case Filed by the Philippines against China: Arguments concerning Low Tide Elevations, Rocks, and Islands / Y-H. Song // *China Oceans Law Review*. – 2015. – № 1. – P. 322–360.
2. Chinese Society of International Law. The South China Sea Arbitration Awards: A Critical Study // *Chinese Journal of International Law*. – 2018. – Vol. 12, iss. 2. – P. 207–748.
3. Толстых В.Л. Морской арбитраж против морского права (анализ решений по делам Arctic Sunrise, о Южно-Китайском море и спору между Хорватией и Словенией) / В.Л. Толстых // *Московский журнал международного права*. – 2019. – № 3. – С. 128–140.
4. Локшин Г.М. Сообщество АСЕАН в современном мире : монография / Г.М. Локшин, Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин. – Москва, 2019. – 296 с.
5. Buszynski L. Law and Realpolitik: The Arbitral Tribunal's Ruling and the South China Sea / L. Buszynski // *Asian Yearbook of International Law*. – 2015. – Vol. 21. – P. 121–140.
6. McDorman T. The South China Sea Arbitration: Selected Legal Notes / T. McDorman // *Asian Yearbook of International Law*. – 2015. – Vol. 21. – P. 3–15.
7. Королев А.С. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы разрешения конфликта / А.С. Королев, И.А. Стрельникова. – Москва, 2021. – 17 с.
8. Sinaga O. The Crisis of International Law in International Political Economy: Case Study of South China Sea Dispute / O. Sinaga, V. Robertua // *The Journal of Asia Pacific Studies*. – 2017. – Vol. I, № 1. – P. 44–54.

REFERENCES

1. Song Y-H. The South China Sea Arbitration Case Filed by the Philippines against China: Arguments concerning Low Tide Elevations, Rocks, and Islands. *China Oceans Law Review*, 2015, no. 1, pp. 322–360.
2. Chinese Society of International Law. The South China Sea Arbitration Awards: A Critical Study. *Chinese Journal of International Law*, 2018, vol. 12, iss. 2, pp. 207–748.
3. Tolstykh V.L. Maritime Arbitration against the Law of the Sea (Analysis of Decisions on Arctic Sunrise, the South China Sea and the Dispute between Croatia and Slovenia). *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2019, no. 3, pp. 128–140. (In Russian).
4. Lokshin G.M., Koblelev E.V., Mazyrin V.M. ASEAN Community in the Modern World. Moscow, 2019. 296 p.
5. Buszynski L. Law and Realpolitik: The Arbitral Tribunal's Ruling and the South China Sea. *Asian Yearbook of International Law*, 2015, vol. 21, pp. 121–140.
6. McDorman T. The South China Sea Arbitration: Selected Legal Notes. *Asian Yearbook of International Law*, 2015, vol. 21, pp. 3–15.
7. Korolev A.S., Strelnikova I.A. Territorial dispute in the South China Sea: is there light at the end of the tunnel or prospects for resolving the conflict. Moscow, 2021. 17 p.
8. Sinaga O., Robertua V. The Crisis of International Law in International Political Economy: Case Study of South China Sea Dispute. *The Journal of Asia Pacific Studies*, 2017, vol. I, no. 1, pp. 44–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сигаури-Горский Егор Русланович – научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sigaure-Gorskii Egor Ruslanovich – Research Fellow at the Centre for Vietnam and ASEAN Studies.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 13.12.2024.
The article was submitted 07.11.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 13.12.2024.